

А.А. МИХАЛЁВА*

ЯЗЫК КЛАНОВ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ¹

Аннотация. В данной статье рассматривается набирающее популярность явление – описание политических событий языком трайбализма. В основе исследования лежит критический дискурс-анализ, что дает возможность сопоставить множество текстов, упоминающих в том или ином виде трайбализм, с дискурсивными и социальными практиками на примере Дальневосточного региона. Исследование предлагает типологизацию трайбалистских политических дискурсов и их анализ применительно к национальным республикам региона. Анализ показывает, что трайбализм в описании политики слабо связан с реальными политическими группами, а используется как инструмент для описания политических событий и их объяснения удобным автору способом посредством связи с традиционностью и укорененностью. Обращение к такому дискурсу позволяет ставить вопрос об идентичности политических акторов и легитимности их действий.

Ключевые слова: трайбализм; дискурс; идентичность; группа, клан, племя.

Для цитирования: Михалёва А.А. Язык кланов: политическое воображение и идентичность на Дальнем Востоке России // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 269–289. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>

На фоне политических протестов на Дальнем Востоке появляются множественные интерпретации текущих событий. Они опираются на корпус текстов (в том числе в так называемых новых медиа), описывающих властные отношения в регионе, их специфику и

* **Михалёва Анастасия Анатольевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: afan-project@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00081

характерные особенности трансформации. Новые медиа как пространство социальных и политических взаимодействий становятся площадкой борьбы, в том числе за идентичность [Фадеева, 2016, с. 177]. Данная статья фокусируется лишь на одном аспекте проблемы: на существующем в регионе дискурсе, в рамках которого политическая действительность описывается с помощью языка трайбализма. Язык трайбализма – это дискурс-строй, устанавливающий картину мира, в основе которой искусственно архаизированные отношения (родо-племенные, клановые и т.п.) и соответствующие им идентичности. Определение идентичности и связанный с этим конфликт сегодня становится основой политики, вытесняя экономические вопросы [Фукуяма, 2019, с. 29]. Суждения, базирующиеся на приписывании политическим акторам групповых идентичностей, могут влиять на политические решения. Наряду с расовой, этнической или гендерной принадлежностью в контексте процессов институциональной трансформации [Семененко, 2011, с. 8] в обсуждении политического популярности приобретают категории клана и племени. Понятие кланового капитализма было введено для описания российской политической действительности еще в первой половине 2000-х годов [Либман, 2004; Косалс, 2006]. В данной статье фокус сделан не столько на реальных, сколько на воображаемых клановых чертах российской политической системы. Поскольку описание политических идентичностей позволяет создавать определенные смыслы, объяснять властные отношения и действия политиков, трайбалистский дискурс становится удобным инструментом для формирования и трансляции политических смыслов, часто противоречащих друг другу. В центре внимания – не элементы трайбализма в современном обществе, а нарративы, приписывающие ему наличие таких элементов. Вопросы существования отношений, основанных на родо-племенных и клановых связях, были намеренно исключены из предмета исследования.

Дискурс «клановой идентичности» политиков тесно переплетается с «традиционализмом», что актуализирует этничность и автохтонность. Отсылки к укорененности как дискурсивная практика, с помощью которой обосновывается существование трайбалистских групповых идентичностей, приводят к тому, что в большей степени язык трайбализма популярен не для характеристики политиков и политических групп вообще, а для представителей местных, «коренных народов».

Именно поэтому территориальными рамками исследования был выбран Дальний Восток России в его современных границах. С одной стороны, с точки зрения политики это единый регион, с другой – он презентуется как мозаика из множества населяющих его этнических групп, в том числе коренных. При этом дискурсы, представляющие интерес для данного исследования, распространены по всему региону и в то же время имеют свои особенности. Всё это позволило взглянуть на проблему в целом, не ограничиваясь рамками национальных субъектов, традиционных для подобных исследований [Ламажаа, 2007], выяснить, существует ли некая общая тенденция, классифицировать то, как используется язык трайбализма, выявить не только наиболее популярные сюжеты, но и понять, какие из них могут оказать наибольшее влияние на политическую действительность в регионе.

Представленное исследование опирается на методологию дискурс-анализа [Фуко, 1996; 2004], а конкретнее – критического дискурс-анализа Нормана Фэркло [Fairclough, 1992]. Он позволяет не только изучить лингвистические особенности текста, но также дискурсивные практики (воспроизводство и потребление), и вписывать его в социальную практику. Это дает возможность оперировать понятием дискурс-строения, типологизировать дискурсы внутри него, анализировать воспроизводство и реструктуризацию порядка дискурса. Таким образом предполагается хотя бы на первый взгляд оценить не только то, как дискурсивные практики отражают существующую политическую реальность, но и то, как они сами могут влиять на нее.

В российской исследовательской традиции наибольший интерес вызывает понятие клана и клановой структуры российских политических элит. Они рассматривались с разных точек зрения: экономических отношений, клиентелизма, групп интересов, элитизма, эволюции политической системы [Лукин, 1999; Перегудов, Лапина, Семенов, 1999; Афанасьев, 2000; Крыштановская, 2005; Гаман-Голутвина, 2003]. Интересные исследования политической архаизации и укрепления клановости и родо-племенных групп в политике делает Ч.К.О. Ламажаа [Ламажаа, 2010; 2011]. Для данной работы важны исследования неотрадиционализма, в том числе и в интересующем нас регионе [Неотрадиционализм ..., 2019], обобщения о традиционности во власти Н.Н. Крадина [Крадин, 2004], разбор влияния этнокультурных факторов на власть В.А. Тишкова [Тиш-

ков, 2003]. Западные исследователи больше интересуются незападным пониманием родства и трансформацией постсоветской территории [Atkin, 1997; Eickelman, 1998; Humphrey, Sneath, 1999; Collins, 2006]. Таким образом, объектом анализа обычно становятся клановые, родо-племенные отношения во власти, а не язык их описания.

Анализ текстов был сопряжен с определенными трудностями: упоминание трайбализма необязательно подразумевает наличие слов-маркеров, например, «племя», «родо-племенной», «род», «клан». Возможна лишь отсылка к интересующим нас образам или использование терминов не на русском языке. В итоге спектр изученных материалов оказался достаточно широк.

Во-первых, были проанализированы материалы средств массовой информации по политической тематике за последние 15 лет. В каждом субъекте Российской Федерации Дальнего Востока (в его современных границах) были исследованы сайты десяти самых популярных СМИ (ежегодным ранжированием) с открытыми данными о статистике посещаемости. Во-вторых, рассмотрены ссылки на другие информационные ресурсы, размещенные на этих сайтах в публикациях, привлечших наше внимание. В-третьих, были изучены сайты просветительского характера, на которых размещены публикации-справки, характеризующие интересующий нас регион. Сюда включены как ресурсы, созданные при поддержке органов государственной власти, так и популярные авторские блоги. В-четвертых, был проанализирован архив открытых политических каналов в приложении Telegram. Приложение WhatsApp, несмотря на свою популярность на Дальнем Востоке не только для личного общения, но и как средство распространения информации, было исключено из выборки, поскольку в нем ограничены массовые рассылки, а групповые чаты закрыты. В любом случае пользующиеся популярностью тексты, которые распространяются с его помощью, дублируются на других интернет-ресурсах, что касается и популярных постов в социальных сетях, создаваемых специально с целью распространения определенной информации, поэтому они также были исключены из выборки.

Три трайбалистских дискурса

Трайбалистский дискурс-строй можно определить как конфигурацию трех типов дискурсов, посредством которых политикам приписываются групповые идентичности. Они объявляются важнейшим фактором, влияющим на внутривнутриполитические отношения, что, в свою очередь, воздействует на политические решения и является причиной сложившейся политической ситуации. В итоге трайбализм становится удобным инструментом описания и популярной темой. На этом фоне чувство привязанности или осознание политиком членства в такой группе неинтересно, поскольку только мешает созданию соответствующих текстов, т.е. субъективный социальный статус [Jackman, Jackman, 1973] как проблема практически не поднимается. Авторам в большинстве случаев неважно то, как себя идентифицирует политик, мыслит ли он вообще в категориях трайбализма и руководствуется ли он им в своей политической деятельности. При этом приписываемая ему «племенная» или «клановая» идентичность может стать как положительной, так и отрицательной характеристикой. В итоге условно можно выделить три трайбалистских дискурса.

Во-первых, речь идет о коренных и малочисленных народах, которых на Дальнем Востоке проживает большое количество¹ и которые давно имеют юридически прописанный статус. Законодательство Российской Федерации закрепило традиционность и трайбализм их характеристиками. «Кровнородственный признак» и «традиционный образ жизни» – понятия, утвержденные еще законом 2000 г.², прочно вошли в повседневный дискурс. Трайбализм и традиционность сплелись с понятием «коренной», и тексты о коренных жителях Дальнего Востока часто содержат отсылки к трайбализму. Чаще всего это тексты о культуре: о необходимости со-

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (дата посещения: 31.05.2020).

² Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Справочная система Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/182356/> (дата посещения: 31.05.2020).

хранения или возрождения ее уникальных черт и действиях политиков в этом отношении. Здесь коренные и малочисленные народы выступают как объект политических действий, часто акцент ставится на их противопоставлении современности. «Традиции – основа их жизни» – вот один из главных мотивов, появляющийся даже тогда, когда авторы идентифицируют себя с коренным населением¹.

Во-вторых, существуют описания политики, где трайбализм используется как метафора. Здесь обычно подчеркивается контраст между традиционным коренным населением и остальными, и метафоры используются в отношении последних. Чаще всего речь идет о коррупции и фаворитизме². Авторы не считают, что в таких случаях можно говорить о реально существующем трайбализме, о чем сообщают напрямую, а наиболее популярным является понятие «клана». Язык трайбализма помогает сделать акцент на отсталости описываемых феноменов³, в то время как в отношении коренных народов язык трайбализма в большинстве своем не придает негативной окраски.

В-третьих, на общем фоне выделяются тексты о Бурятии и Якутии. Они также полны отсылок к укорененности, но не к малочисленности, когда речь идет о якутах и бурятах. Языком трайбализма этнолидерам могут приписывать идентичности, используя это для объяснения политической ситуации. Распространение этого явления связано с общей популярностью трайбализма. Обращение к прошлому на фоне постсоветской критики или отрицания советской модели понимания национальных вопросов сыграло значительную роль в этом процессе. Тема возрождения местного общества, родо-племенных групп, что существовали в досоветский период, популярна в текстах разного характера, в том числе в официальных публикациях органов власти, нормативных документах и научных работах. Например, многие тексты описывают клано-

¹ См., например: «До пяти лет я жил в тайге с оленями». Эвены, юкагир и корячка о таежном образе жизни, сложностях с адаптацией и духах // ТАСС Дальний Восток. – Режим доступа: <https://dv.land/spec/korennye-zhiteli> (дата посещения: 31.05.2020).

² См., например: Губернатор вторчермета. Новый клан на карте России // «Life.ru». – Режим доступа: <https://life.ru/p/1254212> (дата посещения: 31.05.2020).

³ Большая муниципальная семья Северо-Курильска // Дебри-ДВ. – Режим доступа: http://www.debri-dv.ru/article/22287/bolshaya_municipalnaya_semya_severokurilsk (дата посещения: 31.05.2020).

вые связи и родо-племенные отношения как основу дореволюционной организации бурятского общества, которая сейчас возрождается [Хэмфри, 2010, с. 52 и др.]. Стереотипно клановая и племенная социальная структура до советизации считается своего рода историческим подлинным состоянием бурятской общины, встроенной в российскую царскую администрацию России [Zhanaev, 2019, с. 74]. Исторических исследований родо-племенных групп бурят и якутов становится все больше, а опубликованные данные часто служат основой для текстов ненаучного характера, размещаемых на различных интернет-ресурсах, в том числе затрагивающих и тему политики. Особенно популярны визуальные материалы, в том числе карты – карта военно-потестарных образований начала XVII в., опубликованная Б. Нанзатовым [Нанзатов, 2011, с. 34], дублируется на множестве ресурсов, иллюстрируя тексты о бурятских племенах и землях, которые им принадлежат (asiarussia.ru, blogrb.ru, pikabu.ru и многие другие). Отсылки к важности культурного наследия и истории бурят и якутов в официальных документах также вносят свой вклад в укрепление трайбализма как языка описания отношений в этих национальных группах, что тут же проявляется в описаниях политических событий и процессов.

Акцент на трайбализме как политическом явлении больше характерен для рейтинговых публикаций, ориентированных на отклик аудитории. Такие тексты могут даже быть удалены оригинальным источником, но дублироваться другими¹, например, как новость о том, что федеральные органы власти руководствуются представлениями о клановой организации якутского общества, основанной на *«древней кочевнической традиции объединения усилий для решения тактических или стратегических задач»*, и о прогнозируемых реакциях кланов на политические перестановки². Такого вида публикации характерны и для популярных в регионе политических telegram-каналов, которые превращают термины трайбализма в повседневный язык описания политических событий. С одной стороны, это вызвано относительной анонимностью

¹ О якутских кланах в московских коридорах власти // Дебри-ДВ. – Режим доступа: <http://debri-dv.ru/article/2832> (дата посещения: 31.05.2020).

² О якутских кланах в московских коридорах власти // Web Archive (оригинал Sakhalin.info). – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20111110194900/http://sakhallife.ru/news/24270.html> (дата посещения: 31.05.2020).

их авторов, с другой – тем, что они стали площадкой для политической борьбы между конкретными политиками, особенно в предвыборный период – их активно используют политтехнологи.

Трем способам говорить о трайбализме в политике соответствуют три дискурсивные практики. Тексты о коренных и малочисленных народах редко затрагивают тему политики. В текстах, где обсуждают политиков и не фокусируются на их укорененности, трайбализм подчеркнуто метафоричен, он становится синонимом коррупции, и процесс воспроизводства этого дискурса мало меняется от текста к тексту. Но третья группа текстов, которая схожа с первыми двумя отсылками к коренному и традиционному и одновременно разговорами о политических отношениях и идентичностях, не просто воспроизводит соответствующий дискурс, но может и изменять его. Авторы творчески используют язык трайбализма, описывая социальные практики. Судя по обсуждениям в комментариях и социальных сетях, получатели текстов при их интерпретации воспроизводят дискурс о родо-племенных отношениях в политике. Автохтонность становится его ключевым понятием – так говорят о тех, кого объявили местными в противоположность всем остальным. В итоге именно этот дискурс, характерный для Якутии и Бурятии, стал основой для более подробного анализа.

Порядок дискурса

В текстах, описывающих политику в Якутии и Бурятии, язык трайбализма используются довольно беспорядочно. Точнее, его употребление зависит от конкретной ситуации: от описываемых событий, от цели статьи, от контекста. Не существует одинаково понимаемых большинством понятий и терминов. Из-за этого трайбализм стал удобным инструментом для формирования смыслов, нужных авторам в конкретный момент. Он позволяет рассуждать о коррупции, фаворитизме, закрытости от общества процесса принятия политических решений, но одновременно и об историческом наследии, ценности традиций, политическом представительстве общественных групп. С его помощью можно легитимировать разного рода суждения о политике. Но для дискурса трайбализма существуют и единые нормы: концентрация на общей теме идентичностей политиков и их отношений, которые от этого зависят.

Племенная идентичность не становится поводом для обсуждения репрезентации политиками в органах власти интересов своего племени. Она лишь объявляется причиной действий политиков и сложившейся политической ситуации.

Дискурс трайбализма актуален, когда он помогает обосновать практики неформального распределения ресурсов. Тексты, поднимающие эту проблему, могут быть посвящены самым разным темам: социальным проблемам, коррупции, экономическому росту, отношениям с федеральным центром, итогам нахождения у власти конкретного политика, обоснованию его претензий на власть и многим другим. Но все они описывают воображаемые модели, которые, однако, заключены в рамки единичного текста. Нет более-менее устоявшихся сюжетов, описывающих одни и те же неформальные сети, потому что они не отсылают к реально существующим неформальным институтам распределения ресурсов, которые компенсируют недостаток структуры и хорошо организованных формальных институтов [Шахназарян, Шахназарян, 2010, с. 70].

Использование трайбалистского дискурса для воображения этого множества моделей распределения власти, ресурсов и их легитимации приводит к существованию множественности терминов и формулировок даже в рамках одного текста. Профессиональные журналистские обзоры, посвященные именно этой теме – наличию или отсутствию трайбализма в политике, – обычно стараются использовать неоднозначные определения. Так появляются родственно-территориальные связи, которые рассматриваются как проявление трайбализма, но в то же время дают возможность писать об отсутствии в политике родо-племенных отношений. То есть обсуждение проблемы существует, но закреплять за конкретными терминами трайбализма реальные группы и социальные структуры авторы чаще всего не стремятся. И даже в рамках одного текста они избегают давать описываемым явлениям однозначные названия.

«Многие у нас плакали: почему я не из Чурапчи, или хотя бы у меня нет родни или друзей оттуда?» – полушутя говорит Федот Тумусов о кадровой политике Егора Борисова. Попытки выстроить систему власти по родственно-территориальному принципу жителям региона не нравились, хотя один из работавших в республике политтехнологов и местный эксперт, пожелав-

*шие остаться анонимными, полагают, что клановые отношения для нее характерны*¹.

Эта размытость формулировок приводит также и к тому, что существует группа текстов, где есть отсылки к трайбализму, но напрямую о нем речь не идет. В них также обсуждается групповая идентичность политиков, то, как распределена между ними власть, какие ресурсы у них в наличии. На первый взгляд, такие нарративы похожи на тексты, где язык трайбализма используют как метафору с негативным подтекстом, т.е. распространенные вне Якутии и Бурятии. Но есть важное отличие – выстраивается взаимосвязь между политическими силами и определенными территориями. Политик может не жить в этой местности, не представлять интересы ее жителей в органах власти, политических объединениях, но его классифицируют как члена политической группы, к ней привязанной, например, через место рождения, не только личное, но и родителей или более дальних предков. Карта Якутии², которая разделена на разноцветные районы-улусы, с отмеченными группами чиновников и глав крупных компаний, распределенных по этим районам, не использует напрямую язык трайбализма, но в контексте других публикаций на эту тему неизбежно отсылает к нему, что и находит свое выражение в комментариях и ссылках на нее. Таким образом, эти тексты используются в рамках трайбалистского дискурса.

Использование трайбализма как способа описания политических отношений в данной ситуации не означает существования каких-либо реальных групп и отношений подобного характера, впрочем, как и их отсутствия. Трайбализм ограничивает то, о чем можно говорить, и одновременно с этим выступает инструментом, который помогает описывать политическую ситуацию удобным авторам текстов способом, используя его по-новому. Авторы подчеркивают неоднозначность ситуации и отсутствие устоявшихся определений и понятий, отражающих политическую реальность,

¹ «Мы выжили там, где вымерли мамонты». Как национальный вопрос повлиял на смену власти в Якутии // Коммерсант. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3766947> (дата посещения: 31.05.2020).

² Место силы. Откуда родом якутские чиновники и главы крупных компаний // News.Ykt.Ru. – Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/90922> (дата посещения: 31.05.2020).

для того чтобы пользоваться преимуществами изменения существующего дискурса.

Идеей фикс правительства РБ и общепурятских организаций всегда было стирание племенных особенностей. Одновременно по какой-то удивительной логике районные землячества (опора бурятской клановщины) всячески поддерживались. Но несмотря ни на что племенной уровень идентичности у хори (ранее в тексте их определили как племя. – А. М.) в целом восстановился к 2010 году. При этом ни в советские годы, ни в 90-х у хори не появилось политического клана. Хотя политика того времени благоприятствовала подобному развитию. В 90-х начался процесс консолидации хонгодоров. Появлялись политические группировки «семейских» и «северных». Но крупнейшие бурятские общности республики – хоринцы и селенгинцы – оказались вне тренда¹.

Правило автохтонности во всех этих текстах – определяющее. Трайбализм в политике обсуждают тогда, когда речь идет о коренном населении. Иные ситуации редки и лишь подчеркивают правило – их вписывают в модель «трайбализм у коренного населения». Способы для этого выбираются разные, но все они приписывают местную идентичность тем политикам, действия которых описываются в рамках трайбалистского дискурса. Существование связи трайбализма и коренного населения как нормы для изученных нарративов приводит к тому, что часто в них поднимается тема границ. Но границы обсуждаются в определенном ключе: как границы, разделяющие или объединяющие политиков, которых называют представителями коренных этнических групп, что становится инструментом для легитимации.

Не случайно глава бурятских коммунистов В. Мархаев в большом интервью журналисту федерального интернет-портала обосновывает свои претензии на власть в терминах трайбализма:

...я поехал в Бурятию и поступил в педагогический институт. Это сейчас мои враги говорят, что я тут чужой и там чужой. А какой я чужой? Мой род – булагаты – кочевал с западного

¹ Кому принадлежит Бурятия: Народ одиннадцати отцов. Часть 6 // Информ Полис. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/103988-komu-prinadlezhit-buryatiya-narod-odinnadtsati-ottsov-chast-6/> (дата посещения: 31.05.2020).

*берега Байкала на восточный и обратно и до сих пор живет по обе стороны*¹.

А журналист выносит эту идентичность в подзаголовок статьи «Строптивный булагат», подчеркивает ее важность в местной политике:

Род его, булагаты, крупный и уважаемый, что крайне важно в Бурятии.

При этом булагатов в статье называют то родом, то племенем. Здесь это одна из характеристик политика наряду с учителем, солдатом, милиционером, героем. Она нужна для того, чтобы обосновать легитимность его личных претензий на власть как представителя части бурятского населения. И трайбализм становится самым удобным для этого способом.

Социальная практика разграничения

Характер большинства текстов о политике, воспроизводящих дискурс о трайбализме, свидетельствует о том, что формируемые в них смыслы становятся способом структурировать политическое пространство и одновременно актуализировать этническую идентичность политиков. Племенная идентичность упоминается как ее составляющая. Это дает возможность объяснять действия политиков, ссылаясь на то, что в соответствии с этнической идентичностью человек организует и направляет свое поведение [Ачкасов, 1999]. Трайбализм в данной ситуации все так же является инструментом легитимации суждений авторов о распределении ресурсов и власти, в центре внимания оказываются границы, упорядочивающие политическое пространство, разделяя его. Важнейшим становится вопрос о том, к какой группе принадлежит политик. Можно ли его отнести к коренному населению, т.е. можно ли говорить о нем и его деятельности в категориях трайбализма, – речь идет о внешних границах. Какую идентичность, описанную языком трайбализма, внутри этнической группы ему приписать – речь идет о внутренних границах. Для этого авторы текстов формулируют свое видение нации [Förster, 2013] в разной степени подроб-

¹ «Шаманист-коммунист» // Такие дела. – 2019. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/2019/10/shamanist-kommunist/> (дата посещения: 31.05.2020).

ности. Каждый из них презентует свою концепцию и / или опровергает концепции своих оппонентов.

Внешние этнические границы чаще всего актуализируются в двух ситуациях. Во-первых, когда необходимо обосновывать претензии на власть конкретных политиков. Статус Бурятии и Якутии как национальных республик и существование в них титульных наций способствует появлению такой необходимости. Возможна не только легитимация действий политика, но и его эксклюзия, обоснование отсутствия прав на какие-либо политические действия через отсутствие трайбалистской идентичности. Во-вторых, когда речь идет об особенностях местной политики. Трайбализм описывается как часть национальных черт, а они в свою очередь становятся синонимичны политической культуре [Малинова, 2006, с. 119].

Почти всегда в национальных республиках система власти основывается на балансе интересов различных кланов и группировок – территориальных, родо-племенных и, скажем так, олигархических. Поэтому бурятская политика значительно отличается от соседних регионов, где основная политическая борьба происходит между экономическими конкурентами¹.

Авторы оценивают политические события, утверждают, что необходимо действовать определенным образом при помощи описываемых концепций этнической принадлежности, культуры, внутренней национальной структуры. Выделяются специальные характеристики: тот, кто ассоциируется с этнической группой, описывается обладателем национальных черт наряду с характеристиками, приписываемыми трайбалистской группе, а они, в свою очередь, преподносятся как составляющие национальных черт.

Сюжеты, акцентирующие внимание на внешних границах, особенно популярны в текстах, негативно характеризующих действия федерального центра. Появляется возможность описать противопоставление, обосновать неподчинение, не сообщая напрямую сепаратистские идеи. Такие отсылки к «маргинальному» трайба-

¹ Противоядие для Бурятии. Почему приход Цыденова во власть оздоравливает политику // ARD. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/17162/> (дата посещения: 31.05.2020). Перепечатано на нескольких ресурсах, в том числе на «Новая Бурятия». – Режим доступа: <https://newbur.ru/n/49337/> (дата посещения: 31.05.2020), телеграм-канале «Таёжный привал». – Режим доступа: <t.me/taugarival> (дата посещения: 31.05.2020) и других.

лизму [Скотт, 2017, с. 60; Gellner, 1969, p. 13] понятны и аудитории, что фиксируется в обсуждении подобных текстов. Аргументация с помощью обращения к истории, подчеркивания наличия внешних границ актуализирует вопросы о собственной государственности, особенностях политического устройства как неотъемлемой части местных традиций, что в итоге позволяет обосновать авторские идеи.

Проживание в пределах определенных границ важно и при обсуждении внутренней структуры этнической группы. Идентичность, описываемая языком трайбализма, становится основой объединения и разделения. Границы групп населения, которые можно связать с политическими объединениями, удобно очерчиваются таким способом. Так создаются значимые группы, маркируются отличия в их поведении [Этнические группы ..., 2006, с. 18]. Родоплеменные идентичности, привязанные к определенной территории, – довольно популярная модель обсуждения столкновения политических групп влияния. Главным здесь становится принцип территориальности. Политики ассоциируются с конкретной территорией, поскольку объявляются членами племени, клана, рода, которые исторически на ней сложились и стали составляющей для сформировавшейся этнической группы. Часто акцент ставится на том, что описываемый человек либо является членом племени и, следовательно, этнической группы, либо не является [Нойманн, 2004, с. 247–248].

Практика воображения нации как единства, составленного из элементов, описанных языком трайбализма, все так же играет на конкретную ситуацию. Ее использование не означает наличия в тексте ясной отсылки к реальным публичным группам, к конкурирующим видениям нации, которые существуют вне определенной статьи или записи. В одном и том же тексте могут присутствовать описания разного рода идентичностей: родо-племенных, этнических, земляческих и других. Единственное, что их объединяет, – значимость в контексте политики, поэтому эта смесь вызывает удивление только тогда, когда описывается ситуация, в которой политический актер использует множество таких политических идентичностей или связей с подобными группами. Одна из публикаций, в основном посвященная проблеме существования политического клана на основе одного из бурятских племен и принадлежности к этому клану конкретного политика, в заключение

содержала рассуждения о возможности использования политиком разных групп и соответствующих идентичностей в своих целях, важны были лишь их политические измерения.

Что интересно, он сумел привлечь под свои знамена и часть русского населения, представители которого в том числе и выдвинули его кандидатуру на президентские выборы 2002 года. Таким образом, мухоршибирец (территориальная идентичность. – А. М.), попавший в республиканскую политику от Закамны (территориальная идентичность. – А. М.), временами друживший с «семейскими» (клановая идентичность. – А. М.), был выдвинут русскими (этническая идентичность. – А. М.). И это еще не весь «интернационал»¹.

При этом наличие клановой системы в Бурятии не отрицается. Она лишь объявляется уникальной: наряду с внутренними границами, описываемыми в большей части текста, подчеркиваются и внешние. Нарушение политической идентичности, описываемой в рамках дискурса трайбализма, может осуждаться, но не отрицается, потому что все эти группы характеризуются как политические.

Дискурс трайбализма подразумевает описание политических идей и повесток дня в ситуации, когда речь идет о столкновении крупных групп политиков, причисляемых к единой коренной этнической группе. Это позволяет объяснять описываемые политические ситуации через выстраивание внешних и внутренних границ. Внешние границы связаны с процедурой инклюзии или эксклюзии политических акторов: являются ли они местными, входят ли они в коренную этническую группу, могут ли они представлять интересы местного населения? Внутренние границы связаны с легитимацией распределения власти и ресурсов на основе иерархических моделей внутринациональных трайбалистских групп. Взаимоотношения между ними обычно обосновываются историческими отсылками. Тексты описывают политическую ситуацию по-своему, а разные силы пытаются представить свой национализм: традиционные группы, исторически привязанные к конкретной территории, составляющие нацию и внутреннюю иерархию этих групп. Однако эти концепции формулируются не с

¹ Кому принадлежит Бурятия: Народ одиннадцати отцов. Часть 6 // Информ Полис. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/103988-komu-prinadlezhit-buryatiya-narod-odinnadtsati-ottsov-chast-6/> (дата посещения: 31.05.2020).

долгосрочными целями создания новой национальной идеи, напротив, они скорее отвечают временным запросам интерпретации происходящих политических событий, перестают быть актуальными через некоторое время, а на их смену приходят новые тексты такого же характера. Меняется конфигурация политического пространства (новые назначения, крупные политические события и т.п.) – меняются описания групп и их взаимоотношений.

* * *

Дискурс трайбализма стал эффективным инструментом для создания смыслов, которые авторы публикаций о политике стремятся сформировать у своего читателя. Это способ описания групп, имеющих значение в поле политики, их границ, взаимосвязей, набора ценностных характеристик, присущих их членам. Кроме того, трайбализм дает возможность идентифицировать политиков с этими группами. Это структурирует представления о том, у кого и почему должна быть власть. Большая часть текстов о трайбализме посвящена проблеме распределения ресурсов и политической борьбе. Часто повторяются рассуждения о родо-племенных отношениях, клановости и их местных особенностях.

Язык трайбализма используется беспорядочно. В одном и том же тексте могут употребляться разные термины, которые будут называть одно и то же явление. Тексты не образуют единую совокупность нарративов с общими сюжетами. Каждый из них предлагает свою концепцию трайбализма как политического явления: с собственной системой терминов, основных понятий, с собственным пониманием трайбализма как такового. Трайбализм становится инструментом описания политической ситуации, а сформулированная модель отношений перестает быть актуальной, когда меняется политическая повестка дня. Но общая норма существует – схожие цели создания, структура текстов, использование одних и тех же терминов (хоть и в разной интерпретации), групповая идентичность политиков как центральная тема.

Связь трайбализма с идеями укорененности и традиционности приводит к тому, что он используется как язык для описания этнических групп, их внешних границ и внутренних составляющих. Всё это, в свою очередь, помогает обосновать претензии по-

литиков на власть и ресурсы или, напротив, аргументировать их нелегитимность. Таким образом, трайбализм как язык описания политики становится инструментом объяснения политических событий. С помощью этих дискурсов тех или иных акторов распределяют по значимым с политической точки зрения группам. Так появляются категоризации о сходствах и различиях, о границах и последствиях их существования, об их естественности и укорененности, о «своих» и «чужих». Воспроизводство трайбалистского дискурс-строения в регионе становится способом описания политического, одновременно упорядочивая и категоризируя его. Несмотря на то что информация легко меняется от текста к тексту, дискурсивный порядок остается стабильным. Приписывание политическим акторам принадлежности к группам, воображаемым в категориях трайбализма, не подразумевает, что они будут вести себя определенным образом или иметь набор политических идей. Но тексты сами влияют на дискурсивные практики, а значит, в будущем сформулированные модели родо-племенной идентичности могут стать более устойчивыми и политически значимыми.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2, № 1. – С. 48–58.
- Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – М.: МОНФ, 2000. – 320 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Власть и элиты в современной России. – СПб.: Интерсоцис, 2003. – С. 118–132.
- Косалс Л.Я.* Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/klanovyyj-kapitalizm-v-rossii.html> (дата посещения: 31.05.2020).
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
- Крыштановская О.В.* Анатолия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 381 с.
- Ламажсаа Ч.К.О.* Клановость в политической жизни регионов России // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3. – С. 133–147.
- Ламажсаа Ч.К.О.* Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. – СПб.: Алетейя, 2010. – 208 с.
- Ламажсаа Ч.К.О.* Проблема политической архаизации Тувы // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 108–115.

- Либман А.М. Между «клановым капитализмом» и «управляемой демократией»: взаимосвязь экономической и политической систем в современной России // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 6. – С. 97–111.
- Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 2. – С. 134–154.
- Малинова О.Ю. Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 5. – С. 106–128.
- Нанзатов Б.З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 2. – С. 32–37.
- Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. – СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. – 320 с.
- Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
- Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.
- Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5–24.
- Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным: анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.
- Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России: (антрополог. очерки). – М.: Наталис, 2010. – 384 с.
- Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умастить отблагодарить»: дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2010. – № 1. – С. 50–72.
- Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
- Atkin M. Thwarted democratization in Tajikistan // Conflict, cleavage, and change in Central Asia and the Caucasus / K. Dawisha, B. Parrott (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 277–311.
- Collins K. Clan politics and regime transition in Central Asia. – Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2006. – 376 p.

- Eickelman D.* The Middle East and Central Asia: an anthropological approach. – Upper Saddle River; NJ: Prentice Hall, 1998. – 388 p.
- Fairclough N.* Discourse and social change. – Cambridge: Polity, 1992. – vii + 259 p.
- Förster T.* Insurgent nationalism: political imagination and rupture in Côte d'Ivoire // *Africa Spectrum*. – 2013. – Vol. 48, N 3. – P. 3–31. – DOI: <https://doi.org/10.1177/002023971304800301>
- Gellner E.* Saints of the Atlas. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – xxiii + 317 p.
- Humphrey C., Sneath D.* The end of nomadism? – Durham, NC: Duke University Press, 1999. – 368 p.
- Jackman M.R., Jackman R.W.* An interpretation of the relation between objective and subjective social status // *American sociological review*. – 1973. – Vol. 38, N 5. – P. 569–582. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2094408>
- Zhanaev A.* The human being in social and cosmic orders. Categories of traditional culture and the problems of contemporary Buryat identity. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. – 274 c.

A.A. Mikhaleva*

Clan language:

political imagination and identity in the Russian Far East

Abstract. This article discusses a phenomenon that is gaining popularity – a description of political events in the Russian Far East in the language of tribalism. The study is based on critical discourse analysis, which makes it possible to compare many texts mentioning tribalism in one form or another with the discursive and social practices in the region. The study offers a typology of tribalist political discourses, and also examines in detail one of the options common in national republics. The analysis shows that tribalism in the description of politics has little in common with real political groups; it is rather used as a tool to describe political events and explain them in a way convenient for the author. It is closely related to tradition and rooting (autochthonism). This allows us to discuss the identities of political actors and make judgments about the legitimacy of their actions.

Keywords: tribalism; discourse; identity; group; clan; tribe.

For citation: Mikhaleva A.A. Clan language: political imagination and identity in the Russian Far East. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 269–289. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.13>

* **Mikhaleva Anastasia**, Center of Political Transformations Studies, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: afan-project@mail.ru

References

- Achkasov V.A. Ethnic identity in situations of social choice. *The journal of sociology and social anthropology*. 1999, Vol. 2, N 1, P. 48–58. (In Russ.)
- Afanasyev M. *Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia*. Moscow: MONF, 2000, 320 p. (In Russ.)
- Atkin M. Thwarted democratization in Tajikistan. In: K. Dawisha, B. Parrott (eds). *Conflict, cleavage, and change in Central Asia and the Caucasus*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, P. 277–311.
- Barth F. (eds.) *Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural difference*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 200 p. (In Russ.)
- Collins K. *Clan politics and regime transition in Central Asia*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2006, 376 p.
- Eickelman D. *The Middle East and Central Asia: An anthropological approach*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998, 388 p.
- Fadeeva L.A. Identity as political science term: research area and cognitive resource. *Political Science (RU)*. 2016, N 2, P. 164–180. (In Russ.)
- Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge: Polity, 1992, vii + 259 p.
- Förster T. Insurgent nationalism: political imagination and rupture in Côte d'Ivoire. *Africa Spectrum*. 2013, Vol. 48, N 3, P. 3–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/000203971304800301>
- Foucault M. *The archaeology of knowledge*. Saint Petersburg: IC “Gumanitarnaja Akademija”; Universitetskaja kniga, 2004, 416 p. (In Russ.)
- Foucault M. *The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality*. Moscow: Kastal', 1996, 448 p. (In Russ.)
- Fukuyama F. *Identity: The demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O. Political and financial clans in the processes of parliamentary representation of contemporary Russia. In: Duka A. (eds). *Power and elites in modern Russia*. Saint Petersburg: Intersocis, 2003. P. 118–132. (In Russ.)
- Gellner E. *Saints of the Atlas*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969, xxiii + 317 p.
- Humphrey C. *Post-Soviet transformations in Asiatic Russia (anthropological sketches)*. Moscow: Natalis, 2010, 384 p. (In Russ.)
- Humphrey C., Sneath D. *The end of nomadism?* Durham; NC: Duke University Press, 1999, 368 p.
- Jackman M.R., Jackman R.W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American Sociological Review*. 1973, Vol. 38, N 5, P. 569–582. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094408>
- Kosals L. Clan capitalism in Russia. *Neprikosnovennyi zapas*. 2006, N 6. – Mode of access: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/klanovyyj-kapitalizm-v-rossii.html> (accessed: 31.05.2020). (In Russ.)
- Kradin N.N. *Political anthropology*. Moscow: Logos, 2004, 272 p. (In Russ.)

- Kryshtanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov, 2005, 381 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. Clanship in the political life of regions in Russia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2007, N 3, P. 133–147. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. *Clannishness in the politics of Russian regions. Tuva rulers*. Saint Petersburg: Aletheia, 2010, 208 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch.K.O. The problem of the political archaization of Tuva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011, N 2, P. 108–115. (In Russ.)
- Libman A.M. Between “clan capitalism” and “managed democracy”: the relationship of economic and political systems in modern Russia. *Svobodnaia mysl' – XXI*. 2004, N 6, P. 97–111. (In Russ.)
- Lukin A. The transition period in Russia: democratization and liberal reforms. *Polis. Political Studies*. 1999, N 2, P. 134–154. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. “Political culture” in Russian scientific and public discourse. *Polis. Political Studies*. 2006, N 5, P. 106–128. (In Russ.)
- Nanzatov B.Z. The settlement of the Buryats and their neighbors in the late 16 th – first half of the 17 th centuries. *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra Sibirskogo ot-delenija Rossijskoj akademii nauk*. 2011, N 2, P. 32–37. (In Russ.)
- Neotraditionalism: archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes. Saint Petersburg: Centr informatizacii obrazovanija «KIO», 2019, 320 p. (In Russ.)
- Neumann I. *Uses of the other: “The East” in European identity formation*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 336 p. (In Russ.)
- Peregudov S., Lapina N., Semenenko I. *Interest groups and the Russian state*. Moscow: Editorial URSS, 1999, 352 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Political identity and identity politics. *Political expertise: POLITEX*. 2011, Vol. 7, N 2, P. 5–24. (In Russ.)
- Scott J.C. *The art of not being governed*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2017, 568 p. (In Russ.)
- Shahnazarian N., Shahnazarian R. “Show me respect”. Discourses about the parallel economy, kinship, and corruption in Caucasian communities. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2010, Vol. 2, N 1, P. 50–72. (In Russ.)
- Tishkov V.A. *Requiem for ethnicity: studies in socio-cultural anthropology*. Moscow: Nauka, 2003, 544 p. (In Russ.)
- Zhanaev A. *The human being in social and cosmic orders. Categories of traditional culture and the problems of contemporary Buryat identity*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019, 274 p.